

Итоги 2019 года в сложившихся макроэкономических трендах: достигнутые результаты и сохраняющиеся проблемы

Реформы и изменения в институциональной среде. Начиная со второй половины 2016 года в Узбекистане началась масштабная экономическая реформа, направленная на либерализацию национальной экономики, устранение барьеров, препятствующих развитию малого бизнеса, укрепление взаимовыгодных экономических взаимосвязей с различными странами мира, повышение уровня жизни населения страны. За прошедший с начала нового этапа реформ период принято большое количество нормативно-законодательных актов в сфере экономической политики¹, существенно повышена доля негосударственного сектора в структуре экономики, кардинально изменилась структура управления экономикой.

Начиная с 2019 года в республике действует новый налоговый кодекс, более благоприятный для бизнеса режим внешнеэкономической деятельности, обеспечена свободная конвертация сума, продолжена реализация Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям на 2017-2021 гг., а также принятой 2018 году дорожной карты реформ. Все это существенно меняет экономический ландшафт и инвестиционный климат, создавая новые возможности как для отечественного бизнеса, так и для иностранных инвесторов.

Итоги 2019 года позволяют сделать следующие предварительные выводы о достигнутых результатах и сохраняющихся проблемах по всем этим направлениям.

Тренды и тенденции экономического роста: межстрановые сопоставления и структурные сдвиги. Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на усилившиеся риски и неопределенность мирового развития, Узбекистан продолжает сохранять позитивную динамику экономического роста, особенно на фоне других государств СНГ. Республика отмечена Всемирным банком как одна из немногих развивающихся стран мира (наряду с Чили, Колумбией, Малайзией, Индонезией и т.д.), которая имеет достаточный потенциал для противодействия неблагоприятной мировой конъюнктуре.

Среди формирующих его факторов отмечена диверсификация экспорта, устойчивые торговые связи, достаточный приток иностранных инвестиций, жесткий контроль инфляции. По мнению аналитиков банка², это обусловлено тем, что Узбекистан проводит амбициозные рыночные экономические реформы. В частности, существенно сокращены налоговые ставки, как для компаний, так и для физических лиц, существенно облегчены процедуры для ведения внешнеэкономической деятельности.

¹ Только в 2018 г. и начале 2019 г. приняты такие важнейшие нормативные акты, как Закон РУз "О государственно-частном партнерстве", ПП РУз "О государственном заказе по обеспечению занятости населения и организации новых рабочих мест в 2019 году", УП "О совершенствовании денежно-кредитной политики с поэтапным переходом на режим инфляционного таргетирования", Концепция совместных действий Кабинета Министров и Центрального банка Республики Узбекистан по снижению инфляции и обеспечению стабильности цен, Постановление КМ РУз "Об организации деятельности Агентства по привлечению иностранных инвестиций при Министерстве инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан" и ряд других.

² Всемирный банк: ВВП Узбекистана в 2021 году вырастет на 6%. Eur Asia Daily . 23 августа 2019. <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/23/vsemirnyy-bank-vvp-uzbekistana-v-2021-godu-vyrastet-na-6>

В результате принимаемых мер по углублению экономических реформ, направленных на модернизацию, техническое и технологическое обновление производства, за последние 10 лет (2010-2019 гг.) темпы роста экономики республики составляли в отчетном периоде от 4,5% до 8,5% или 6,9% в среднегодовом исчислении, что существенно выше темпов роста мировой экономики, а также темпов роста ведущих стран СНГ (Россия, Казахстан, Беларусь) и стран Центральной Азии (Кыргызстан, Таджикистан, см. рис.1). В соответствии с последними оценками Всемирного банка³ в текущем, 2020 году, в результате глобального пандемического кризиса темпы прироста ВВП могут сократиться до 1,6%, но уже в 2021 году вновь возрасти до 6,0% .

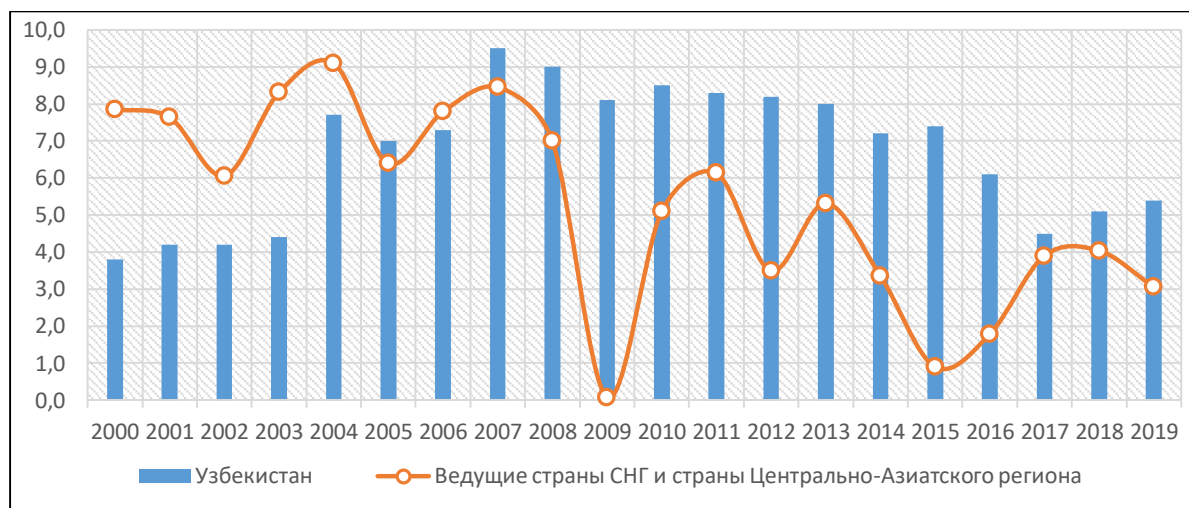

Рис.1. Сопоставительная динамика роста экономики Узбекистана и других стран СНГ в 2000-2019 гг.

Источник: Узбекистан – данные национальной статистики, страны СНГ – Всемирный Банк

В целом, за 2010-2019 гг. ВВП вырос в 1,77 раза, а на душу населения с 1381 долл. США до 1741 долл. Это создает необходимую основу для качественных изменений в источниках и факторах экономического роста.

Опережающими темпами росла добавленная стоимость строительства – 19,0% (против 5,6 % прироста ВВП) и промышленности (6,6 %), повышая долю этого сектора в структуре экономики. В результате, доля промышленности в экономике повысилась за 2010-2019 гг. на 10 п.п. – с 20,2% по 30,0%.

В структуре использования ВВП повысилась доля расходов на органы госуправления – с 14,3% в 2015 г. до 16,4% в 2019 г., что может отражать процесс слабого прогресса в совершенствовании органов госуправления, что подтверждается и низкими рейтингами республики в системе международных рейтингов в части эффективности органов госуправления (эффективность правительства, ощущаемый уровень коррупции, уровень соблюдения действующего законодательства).

³ ВБ — о восстановлении экономики после кризиса COVID-19. Результаты социального мониторинга «Слушая граждан Узбекистана» (Listening to Citizens of Uzbekistan, L2CU). Газета Уз 30 06 2020. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/06/29/economy/>

Негативным является и тренд снижения доли текущего потребления домохозяйств за последние 4 года – с 60,5% до 53,4%, что создаёт дополнительные сложности в решении задачи ограничения бедности.

Источники роста и вклады отраслей в прирост ВВП. В последние три года значительно повысился *уровень инвестиционной активности*. Если в 2010-2016 гг. среднегодовые темпы прироста инвестиций составили 9,6%, то в 2017-2019 гг. увеличились до 26,2%, т.е. более чем в 2 раза. Аналогичный вывод можно сделать и при использовании относительного индикатора – величины инвестиций в % к ВВП. Если в 2016 г. это отношение составляло 24,8%, то в 2019 г. – 37,1%, что является наивысшим показателем за годы независимости.

Одной из причин стал быстрый рост прямых иностранных инвестиций на душу населения до 115,8 долл. в 2019 году против 55 долл. в 2018 г. В целом же, бурный рост инвестиционной активности стал следствием роста сбережений и накоплений. За последние 3 года величина валовых накоплений возросла с 26,0% в 2015 г. до 40,0% в 2018 г. и сохранилась на этом же уровне в 2019 г.

Высокий уровень инвестиционной активности является традиционным для нашей экономики *источником роста*, а его повышение в 2018-2019 гг. позволило пройти наиболее сложный этап ее либерализации без существенного сокращения темпов прироста ВВП.

Анализ динамики *вкладов отраслей реального сектора в прирост ВВП* (источники роста со стороны предложения, рис.2) показал *усиление роли промышленности*. Если, начиная с 2000 года вклад промышленности сокращался и оставался на низком уровне (17-18% прироста ВВП), то в 2019 году он возрос до 23%, что является следствием реализации ряда крупных инвестиционных проектов, запущенных в предшествующие годы.

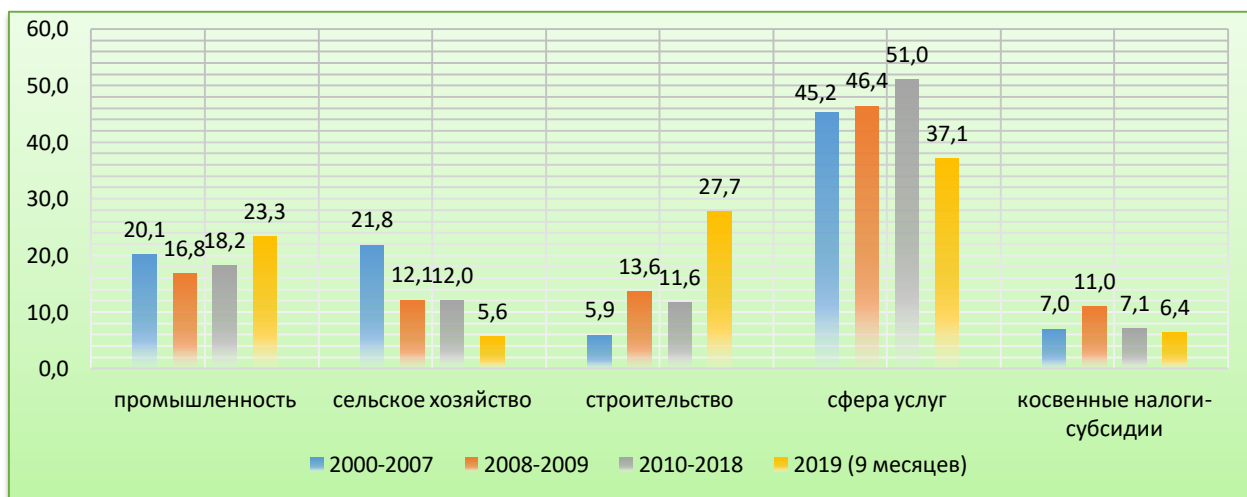

Рис.2. Вклады отраслей экономики в прирост ВВП (прирост ВВП со стороны предложения=100%, с использованием цен 2010 г.)

Источник: расчеты авторов на основе данных национальной статистики

Следует также отметить и резкое, более чем двукратное увеличение вклада строительства (до 27,7% против 11,6% в 2010-2018 гг.), которое отражало всплеск инвестиционной активности в 2018-2019 гг.

Источники роста: внешние факторы. Меры по налаживанию внешне-экономических взаимосвязей дали свои результаты в виде преодоления негативной тенденции в динамике экспорта. Если в 2012 г, 2014-2016 гг. объем экспорта сокращался, то в 2017 году он увеличился на 15,2% и достиг 13,9 млрд. долл. В последующие годы его рост продолжился, а в 2019 г. его величина составила 17,9 млрд. долл., что в 1,5 раза больше уровня 2016 года. Рост экспорта является вторым по значимости источником роста национальной экономики после инвестиций. Позитивная динамика экспорта (внешний спрос) свидетельствует о росте конкурентоспособности национальной экономики, расширяет потенциал источников роста, способствует решению социальных проблем. При этом следует усовершенствовать механизмы распределения доходов от экспорта овощей, фруктов и минеральных ресурсов с целью усиления стимулов к их инвестированию в создание перерабатывающих производств.

Неоднозначная динамика индикаторов макроэкономической стабильности. Ускоренная либерализация валютного рынка, сферы внешней торговли, недостаточно проработанные реформы в сфере налоговой политики, малого бизнеса, изменения системы управления экономикой имели как позитивный, так и негативный эффект на уровень макроэкономической стабильности. Почти 3-х кратная девальвация сума за последние три года (с 3240 сумм/долл. на конец 2016 г. до 8120 сумм/долл. к концу 2017 г. и 9515 сумм/долл. к концу 2019 г.) в условиях сырьевой направленности национальной экономики не могли не ускорить рост цен. *Инфляция (по дефлятору ВВП) повысилась более чем в два раза.* Если в 2015-2016 годах он не превышал 10% отметки, то в 2017 году он возрос до почти 20%, в 2018 до 28% и 19,2% в 2019 г.

Благодаря принятым мерам монетарной и внешнеэкономической политики в 2019 году рост цен несколько замедлился, однако разрыв между динамикой дефлятора ВВП Узбекистана и стран-ориентиров (Китай, Румыния, Малайзия, Турция, см. рис. 3) остается еще значительным. Помимо импортируемой инфляции значительный вклад в рост цен вносил фактор роста тарифов на продукцию и услуги естественных монополий (см. рис.4).

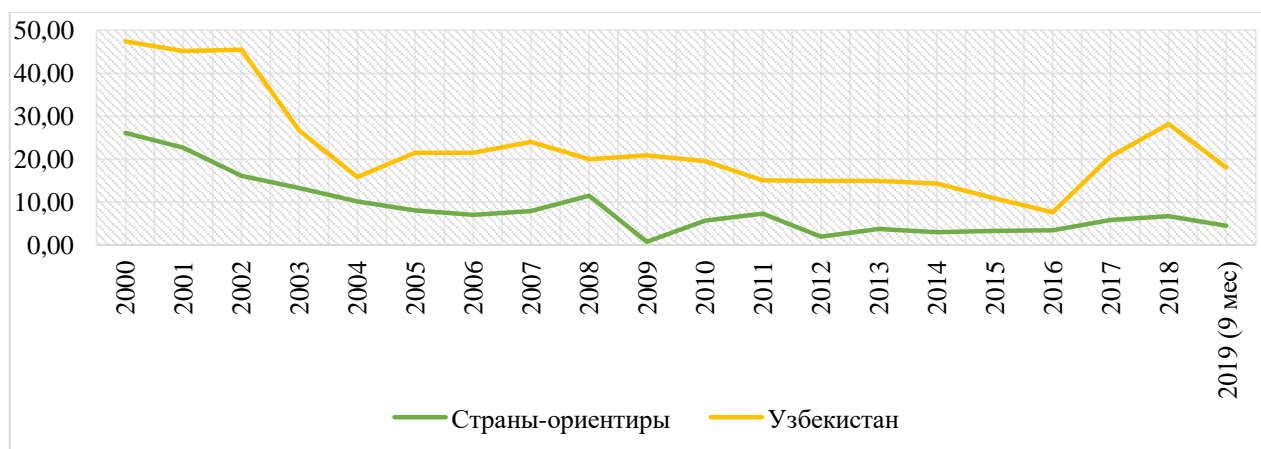

Рис.3. Динамика дефлятора ВВП в 2000-2019 гг. (годовой прирост, %)

Источник: Узбекистан – данные национальной статистики, страны-ориентеры – Всемирный Банк

Так в 2019 году цены на газ возросли на 19%, электроэнергию – на 35,9% для предприятий и на 18% для населения, холодное водоснабжение и канализация – 27,8%, горячая вода – на 11%, тариф на общественном транспорте – на 16%. При этом минимальная заработная плата и пенсии повысились лишь на 10%, т.е. рост тарифов и услуг существенно превышал рост денежных поступлений населения с фиксированными доходами, что свидетельствует о сокращении реальных доходов значительной части населения республики.

Дополнительным фактором роста цен стало введение НДС для значительно более широкого круга налогоплательщиков. Таким образом, инфляция в 2019 и ряде предшествующих лет носила в значительной степени *немонетарный характер*. В этих условиях переход к инфляционному таргетированию и жесткой монетарной политике не даст ожидаемых результатов. Более действенными будут меры по ограничению роста цен и услуг естественных монополий, развитию конкуренции и насыщению товарных рынков отечественной и импортной продукцией, снижению темпов девальвации национальной валюты.

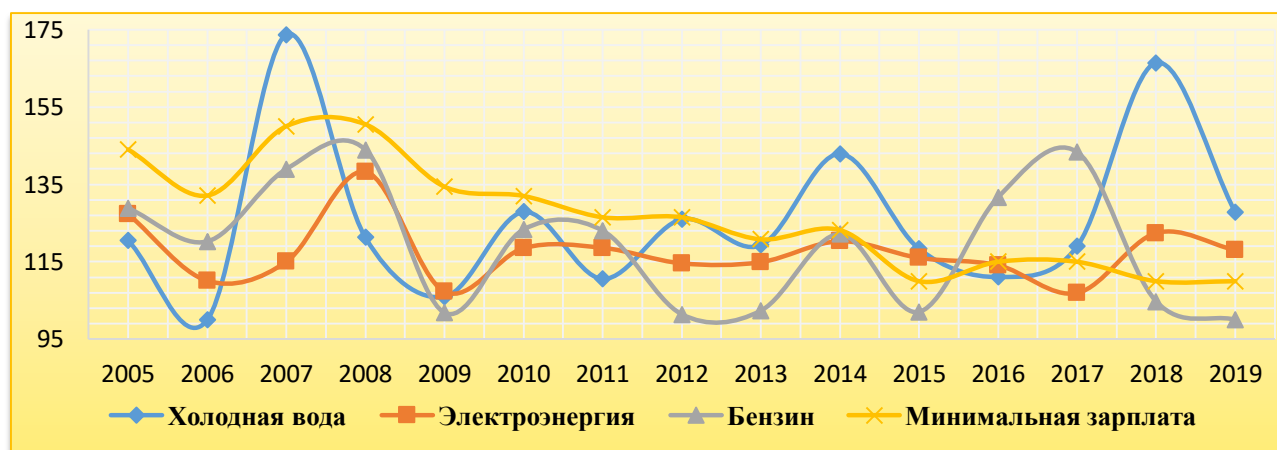

Рис.4. Динамика цен на продукцию и услуги естественных монополий в 2005-2019 гг. (в % к предыдущему году)

Источник: данные национальной статистики.

В 2019 году также наблюдалось замедление роста *номинальной денежной массы* с 35-40% в 2000-2010 гг. до 19-23 % за 2010-2019 гг.

По сравнению с 2010-2013 гг. в 2015-2019 гг. наблюдалось замедление роста *доходов населения и номинальной заработной платы*. В частности, в 2010-2013 гг. номинальный рост доходов и заработной платы домохозяйств составил 25-30%, а в 2015-2019 гг. – 13-15%. Это приводит к снижению потребительских цен в краткосрочной перспективе, но увеличивает риск роста потребительских цен в долгосрочной перспективе, поскольку снижение спроса в результате снижения доходов может привести к снижению объема производства и снижению рынка сбыта.

Вызовы низкого уровня ресурсной эффективности. Устойчивый рост ВВП на 4,5-5,5% в последние годы при росте трудовых ресурсов на 2,0-2,5% означает стабильный тренд в динамике повышения *производительности труда*. Однако его уровень значительно отстает от среднемировых ориентиров.

Разрыв по этому индикатору между Узбекистаном и странами-ориентирами возрос с начала 2000-х годов с 3 раз до почти 6 раз. Свою роль здесь сыграли как высокие темпы роста населения, так и нестабильная динамика ВВП в долларовом исчислении, особенно в последние два года, когда ВВП на душу населения сократился с 2100 долл. в 2016 г. до 1532 долл. в 2018 г. Такой же низкий уровень этого индикатора сохранился и в 2019 г., что затрудняет решение задачи достижения к 2030 году уровня развития национальной экономики, характерной для верхней категории развивающихся стран мира.

В последние 10-15 лет сложился *капиталоемкий тип экономического роста*. Если еще в 2010 году на один сум инвестиций (в ценах 2000 г., текущий и два предшествующих года с весами 0,7 0,2 и 0,1 соответственно) пришлось 3,2 сума ВВП (в ценах 2000 г.), то в 2015 году этот индикатор составил уже 2,9 сум, а в 2018 г. – 2,2 сума. 2019 год не внес корректив в этот негативный тренд, а уровень капиталоемкости сократился еще сильнее – до 1,8 сум. При этом величина капиталоемкости в последние 10 лет постоянно снижалась.

Мировой опыт показывает, что снижение инвестиционной эффективности является общим трендом для многих стран мира. Однако сопоставление Узбекистана со странами-ориентирами по этому индикатору (см. рис. 5) свидетельствует об отклонении динамики национального индикатора от мировых ориентиров. Основные причины сложившейся ситуации – доминирование капиталоемких отраслей в структуре распределения инвестиционных ресурсов с длительным сроком окупаемости инвестиционных затрат (нефтегаз, основная химия и металлургия, цементные производства), низкая доля частных инвестиций в их общем объеме (доля централизованных инвестиций в последние годы возросла с 21,8% в 2016 году до 23,5% в 2017 г., 32,5% в 2018 году и 28,4% в 2019 г.), отсутствие твердых гарантий прав инвестора.

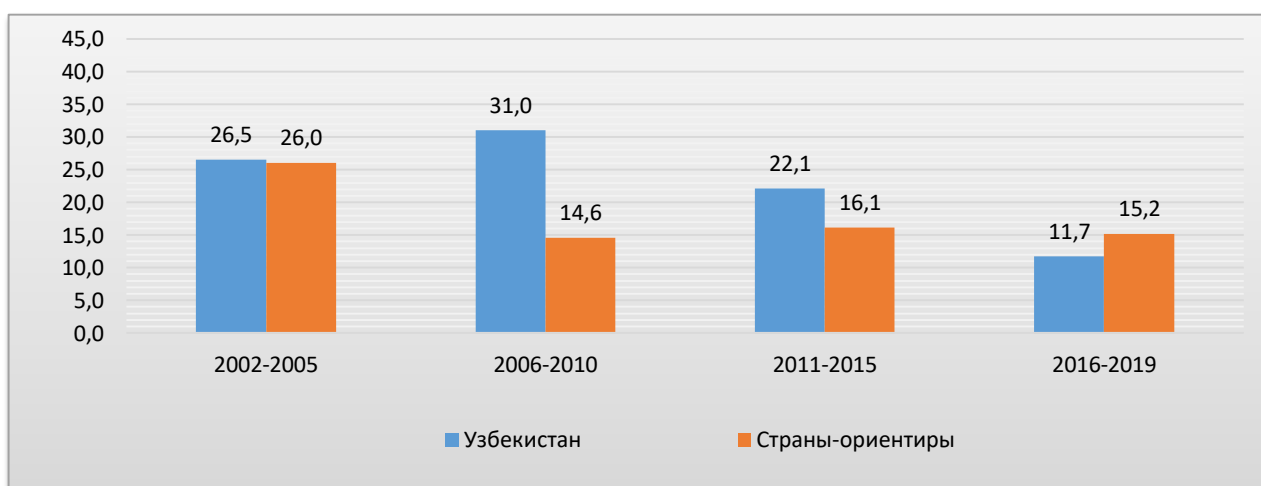

Рис.5. Динамика отдачи инвестиций в Узбекистане и в странах-ориентирах за 2002-2019 гг. (сум ВВП на 1 сум инвестиций с лагом в два года)

Источник: расчеты авторов на основе данных национальной статистики (Узбекистан) и ВБ (страны-ориентиры).

Риски для макроэкономической стабильности, генерируемые этим трендом, обусловлены не только тем, что с каждым годом один и тот же прирост ВВП требует все больших и больших инвестиций, что может привести к затуханию темпов роста. Главное, что возрастающий спрос на инвестиционные товары, в условиях их крайне ограниченной возможности производства в республике и отсутствия единой технологической политики, приводит к быстрому росту импорта этой продукции и запасных частей в процессе эксплуатации импортного оборудования, нарастанию дефицита внешнеторгового баланса, что и продемонстрировали итоги 2018 и 2019 годов. Результатом является резкий спрос на валютные ресурсы и ускорение девальвации сума – главного источника инфляционных процессов на данном этапе. Девальвация сума приводит к росту себестоимости выпуска тех видов продукции, в структуре затрат которых высока доля импортного сырья и комплектующих, ухудшая их позиции на внутреннем и внешнем рынках. Это, как правило, высокотехнологичные производства, созданные в последние годы с участием иностранного капитала (автомобилестроение, бытовая техника, фармацевтика, услуги авиационного транспорта и т.д.).

В дополнении к этому, удовлетворение возрастающего спроса на инвестиционные товары приводит к масштабным заимствованиям, что в конечном итоге отражается в быстром росте совокупного внешнего долга с последующим возрастанием бюджетных расходов по его обслуживанию.

Следовательно, развитие конкуренции и эффективное антимонопольное регулирование, создание благоприятного инвестиционного климата, необходимой инфраструктуры и других условий для привлечения частного капитала и переориентации финансово-инвестиционных потоков с добывающей в обрабатывающую промышленность и современные виды услуг являются обязательным требованием для перехода к новой, менее капиталоемкой модели роста.

Такая же сложная ситуация сложилась и по другим ключевым индикаторам ресурсной эффективности – *энергоёмкости*⁴, *материалоемкости*⁵ и *водоёмкости ВВП*. Все это свидетельствует о том, что *проблема низкой ресурсной эффективности (или ресурсорасточительности) является проблемой №1 национальной экономики*, не решив которую в объеме хотя бы достижения среднемирового уровня эффективности, преждевременно говорить о переходе к инновационной модели развития, цифровизации национальной экономики и т.д.

Динамика качественных индикаторов и меры по переходу к новой модели развития. В республике принято достаточно постановлений и других законодательных актов, создающих нормативно-правовую среду, требуемую для перехода к новой, более ресурсоэффективной и конкурентоспособной модели экономического развития. Однако их практическая реализация крайне недостаточна. Об этом свидетельствует и отсутствие прогресса в динамике ряда

⁴ См., например, С.Чепель. «Энергоёмкость развития и предпосылки ее ограничения: эконометрический анализ с акцентом на страны СНГ» // Финансы и кредит. Москва, 2017. – Т. 23, № 40. – С. 2420 – 2436.

⁵ Анализ материалоемкости национальной экономики изложен в Чепель С.В. Метод «Затраты-выпуск» в анализе и прогнозировании: существующие подходы и новые возможности. В журнале “Iqtisodiyot: tahlillar va prognozlar”, №2, Ташкент 2019 г.

важнейших международных индексов для Узбекистана. Например, динамика индекса контроля (восприятия) коррупции начиная с 2000 года носила нестабильный характер (рис.6), не превышая значения минус 0,9 при пороговом значении для устойчивого развития, равному в плюс 1,8, что свидетельствует об отсутствии системного подхода, недостаточной эффективности и последовательности мер в решении этой проблемы.

Рис.6. Динамика индекса восприятия (контроля) коррупции для Узбекистана

Источник: Всемирный Банк

Схожие выводы можно сделать при анализе динамики индекса соблюдения действующего законодательства (рис.7) и других индексов качественных изменений национальной экономики.

Рис.7. Динамика индекса соблюдения действующего законодательства для Узбекистана

Источник: Всемирный Банк

Таким образом, на данном этапе реформирования национальной экономики акцент должен быть сделан на мониторинг процесса реализации реформ и других принятых в последние 1,5-2 года нормативно-правовых документов.

Оценка инвестиционных проектов и инвестиционной политики должна осуществляться по критериям доли частных инвестиций в структуре источни-

ков их финансирования, доле банковских кредитов, направляемых на развитие частного сектора, количества новых устойчивых рабочих мест с уровнем доходов не ниже среднего по экономике на один млрд. сум инвестиций, создаваемых при реализации конкретного инвестиционного проекта, ожидаемое при этом соотношение между дополнительным импортом и ростом экспорта.

Для *монетарной политики и банковского сектора* акцент должен быть сделан на уровень монетизации и индикаторы обеспеченности кредитными ресурсами, доле проблемных кредитов и внебанковского оборота, средств населения и частного сектора, направляемых на развитие экономики.

В число важнейших критериев эффективности *бюджетно-налоговой политики* должны входить индикаторы налоговой нагрузки на производство, доля расходов на образование, медицину, науку и культуру в расходной части бюджета, количество сум частных инвестиций на один сум госинвестиций в рамках проектов ГЧП, охват профессиональным образованием населения и используемые за рубежом индексы качества получаемого образования, а также дефицит специалистов требуемых профессий и квалификации (в части расходов на образование), индексы удовлетворенности населением доступностью и качеством медицинского обслуживания (в части расходов на здравоохранение), количество госслужащих в системе управления на один млн. населения (в части расходов на управление).

Риски усиления макроэкономической нестабильности и сохраняющиеся резервы роста. Источниками рисков для макроэкономической стабильности в последние годы стал быстрый рост *внешнего государственного долга* (с 23,8% в 2016 году до 33-35% в 2018-2019 гг.), а также *дефицит внешнеторгового баланса*.

Либерализация внешней торговли и снятие ограничений на доступ к валютным ресурсам стимулировал рост экспорта, величина которого увеличилась в 2018 г. на 11,4% и на 24,7% в 2019 г. Однако объемы импорта росли еще быстрее. В результате впервые за долгие годы возник значительный дефицит баланса внешней торговли товарами и услугами, составивший 1,4 млрд. долл. в 2017 г. и возросший до 6,4 млрд. долл. в 2019 г., или до почти 10% ВВП в 2019 г. Из дефицита в 6,4 млрд. долл. 2,6 млрд. долл. пришлось на Китай и 1,6 млрд. долл. – на Россию.

Сложившаяся тенденция сохранилась и в начале 2020 г. В соответствии с данными Госкомстата за январь – апрель т.г. при общем сокращении внешнеторгового оборота на 1,6 млрд. долл. по отношению к аналогичному периоду 2019 г., его дефицит достиг почти двух млрд. долл.⁶

Усиливающаяся несбалансированность внешней торговли *повышает риски макроэкономической нестабильности по ряду направлений*. Прежде всего, рост дефицита внешнеторгового баланса приводит к обесценению национальной валюты, повышает стоимость импорта, в том числе и потребительской

⁶ Внешнеторговый оборот республики Узбекистан (предварительные данные за январь-апрель 2020 года). ГКС. https://stat.uz/uploads/docs/tashqi_savdo_aprel_ru.pdf

продукции, а, следовательно, ускоряет инфляцию с негативными социальными последствиями (сокращение реальных доходов, уровня жизни, рост бедности).

Риски неустойчивости развития вызывает и *неэффективная, в значительной степени ручная система управления экономикой*. Непредвиденные и частые изменения в сфере внешней торговли⁷ и по другим направлениям макрорегулирования негативно влияют на бизнес и перспективы его развития, а усиление монопольного положения отдельных привилегированных компаний приводит к росту цен и входит в противоречие с самими стратегическими целями развития.

Существенные риски несет в себе и *глобальный пандемический кризис*. Его негативное воздействие на национальную экономику, проявляющееся в форме:

- сокращения спроса на традиционные товары узбекского экспорта со стороны основных торговых партнеров (Россия, Китай, Казахстан);
- падения объемов переводов трудовых мигрантов;
- разрушения сложившихся производственно-сбытовых цепочек;
- ухудшения условий внешних заимствований.

Глубину и масштабность кризиса подтверждают и результаты обследования населения и домохозяйств, выполненного в конце июля т.г. Всемирным банком в рамках социального мониторинга «Слушая граждан Узбекистана» (Listening to Citizens of Uzbekistan, L2CU)⁸. В частности, было установлено, что по крайней мере, ещё 448 тысяч человек могут оказаться за чертой бедности в результате снижения уровня жизни. Доля самозанятых, имеющих хоть какой-либо доход в величине занятых всего сократилась с 40% в мае 2019 г., до 15% в мае 2020 г., или в пересчете на абсолютную занятость свыше 2.5 млн. чел. В апреле доля домохозяйств-участников L2CU, получающих какие-либо денежные переводы, сократилась на 54% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Правительством принято несколько пакетов мер по поддержке бизнеса и населения⁹. Вместе с тем, ситуация остается напряженной, значительное количество субъектов малого бизнеса не может возобновить работу, особенно в сфере услуг.

Одновременно сохраняются и *резервы роста* – в сфере связи и коммуникаций, развития медицины, фармацевтики, образования, инфраструктуры, современных направлений сельскохозяйственного производства. Сопоставление показателей ресурсной эффективности Узбекистана с другими странами мира (рис. 7) свидетельствует о необходимости корректировки инвестиционной политики в пользу быстрых инвестиций (инвестиционных проектов), способных

⁷ Раздача и отзыв многочисленных налоговых льгот вне рамок установленных правил, запрет и повторное разрешение импорта/экспорта отдельных видов товаров, изменение таможенных пошлин, установленных в начале года и т.д.

⁸ <https://www.gazeta.uz/ru/2020/06/29/economy/>

⁹ К 20 мая 2020 года было принято 6 пакетов мер по поддержке экономики, бизнеса и населения, включая Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений» № 5969 от 19 марта 2020 г., Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах поддержки населения, отраслей экономики и субъектов предпринимательства в период коронавирусной пандемии» №5978 от 3 апреля 2020 г. и т.д.

создавать большое количество новых устойчивых рабочих мест и генерировать стабильную прибыль.

Обзор подготовлен Проектом по вопросам стратегического планирования и разработки прогнозов макроэкономических параметров (авторы: С.В.Чепель, Н.С.Садриддинов)